

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ/RUSSIAN LITERATURE
AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.56.1>

В. Г. БЕЛИНСКИЙ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Научная статья

Кулакова И.И.^{1,*}, Ряполова М.А.²

^{1,2} Белгородский университет кооперации, экономики и права, Белгород, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (iri-kulakova[at]yandex.ru)

Аннотация

В истории русской литературы есть темы, интерес к которым не иссякает никогда, отличаясь в разные времена и эпохи своей интенсивностью. В статье рассматриваются вопросы, связанные с влиянием личности В. Г. Белинского и его литературно-критической деятельности на образовательное и культурное пространство России, и приемы и формы художественного воплощения личности и образа В. Г. Белинского в произведениях И. С. Тургенева, А. Н. Некрасова, Ф. М. Достоевского, А. Ф. Писемского, а также выясняется их назначение и роль в художественном мире названных писателей. Авторы статьи предпринимают попытку истолкования обнаруженного сходства приемов и форм, при очевидном различии писательских индивидуальностей.

Ключевые слова: Белинский, образ, персонаж, ближайший контекст, авторская позиция, коммуникативная функция произведения.

V. G. BELINSKY AND HIS INFLUENCE ON RUSSIAN LITERATURE AND SOCIETY

Research article

Kulakova I.I.^{1,*}, Ryapolova M.A.²

^{1,2} Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russian Federation

* Corresponding author (iri-kulakova[at]yandex.ru)

Abstract

In the history of Russian literature there are topics, the interest to which never runs out, differing in different times and eras in its intensity. The article examines the issues related to the influence of V. G. Belinsky's personality and his literary and critical activity on the educational and cultural space of Russia, and the methods and forms of artistic embodiment of V. G. Belinsky's personality and image in the works of I. S. Turgenev, A. N. Nekrasov, F. M. Dostoevsky, A. F. Pisemsky, as well as their purpose and role in the artistic world of the named writers. The authors of the paper make an attempt to interpret the discovered similarity of techniques and forms, with the obvious difference of writers' personalities.

Keywords: Belinsky, image, character, immediate context, author's position, communicative function of the work.

Введение

В истории русской литературы есть темы, интерес к которым не иссякает никогда, отличаясь в разные времена и эпохи своей интенсивностью. К таким темам, как нам представляется, относится и тема влияния В. Г. Белинского на русскую общественность и русскую литературу 1830–1840-х и 1850–1860-х годов. Тема эта не может быть рассмотрена односторонне, поскольку речь идёт о нескольких сферах, где личность и деятельность Белинского проявили себя, оставили наследие, которое требует современного рассмотрения.

В статье рассматриваются два аспекта влияния личности и литературно-критической деятельности В. Г. Белинского: на вопросы становления методики преподавания литературы и на его писателей-современников, включающих его имя, черты его образа, сюжеты чтения его литературно-критических работ в создаваемые ими произведения.

«Историческое значение Белинского невозможно переоценить...Он был первым в династии журналистов, имевших безграничное влияние на русское прогрессивное общественное мнение. **Он был настоящим отцом интеллигенции**, воплощением того, что являлось её духом на протяжении более чем двух поколений – социализма, страстного желания улучшить мир, неуважения к традициям и напряжённого бескорыстного энтузиазма» [6, С. 201]. Объективность данного высказывания нашего соотечественника подтверждается свидетельствами тех, кто испытал на себе, наблюдал в других, а потом осознал, осмыслил и зафиксировал «отцовское» наставничество Белинского. Изучая становление методики преподавания литературы как молодой науки, литературовед А. Ф. Скафтымов в работе 1939 года «Преподавание литературы в дореволюционной школе» собрал воедино мемуарно-автобиографические свидетельства двух-трёх поколений гимназистов, студентов, учителей словесности, подтверждающих, что ежемесячное чтение статей Белинского образовывало, развивало и воспитывало их эстетический вкус, ломало рутину повседневности и школы, и самой жизни [7, С. 356–359].

«Мы все – прямые его воспитанники», — эти слова из автобиографии В. В. Стасова предвещают выводы учёного о роли Белинского в отечественном образовании и шире – в русском обществе 1830–1840-х и 1850–60-х годов [7, С. 359]. Скафтымов в воспоминаниях близких друзей и дальних современников критика, образованных людей следующих поколений сознательно отбирает факты, удостоверяющие воздействие на читателей статей Белинского. Его цель – показать, как вопросы преподавания литературы в XIX веке оказались неразрывно связаны с литературно-

критической деятельностью «неистового Виссариона», как очевидно она обогатила, казалось бы, узкую профессиональную образовательную сферу. Следствием этого стал широкий общественный результат: была сформирована целая плеяда наших выдающихся соотечественников, активно причастных к созиданию русского образовательного и культурного пространства (В. В. Водовозов, В. Я. Стоюнин, К. Д. Ушинский, В. П. Острогорский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, М. Ф. Де-Пуле, Н. Н. Булич, тот же В. В. Стасов и многие-многие другие). Очевидно, что никакое перечисление в данном случае не может быть полным, но обращает внимание, что воздействие было разнонаправленным: слишком различны, порой полусны, мировоззрения тех, кто развил и воспитал себя не без участия статей Белинского.

В статье используют такие методы, как научное описание, анализ и интерпретация художественных текстов и их элементов, а также имманентное и контекстуальное рассмотрение отдельных вопросов и положений.

Основные результаты

Воздействие личности Белинского, его статей, рецензий, заметок, ставших в 30–40-е и последующие годы позапрошлого века доступными широкому и всё увеличивающемуся кругу русских читателей, нашло отражение не только в воспоминаниях, эпистолярных и дневниках современников. Есть еще одна сфера, которая даёт представление о его влиянии на личность и культуру всего XIX века. Это художественная литература.

В произведениях И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, А. Ф. Писемского личность В. Г. Белинского воплощена и воссоздан его образ в соответствии с эстетическими намерениями авторов и их, авторским, видением этой незаурядной личности и индивидуальным пониманием её роли в русском социуме. Из поименованных здесь писателей только Писемский не был лично знаком с Белинским, при этом сюжет буквально животворящего влияния на него чтения журнальных статей критика никого не оставит равнодушным, если познакомиться с ним по «Автобиографии» и богатому эпистолярному наследию писателя [3, С. 25], [4, С. 367]. «Своя» же история знакомства и взаимоотношений с главным критиком «Отечественных записок» и «Современника» имеется у Тургенева, Некрасова и Достоевского. Истории эти не лишены драматизма, динамики, хорошо известны, описаны в воспоминаниях самих писателей и их ближайшего окружения.

Мемуарно-автобиографические свидетельства изначально субъективны, это «человеческие документы» (Л. Я. Гинзбург), данное определение одновременно указывает на их ценность и ограниченность тем «углом обзора» действительности и реальных персонажей настоящей жизни, который доступен конкретному автору дневника, писем, мемуаров. Прав, по всей видимости,

Ю. И. Айхенвальд, когда в своей второй статье «Спор о Белинском. Ответ критикам» не доверяет субъективности и пристрастности «суждений о Белинском его друзей, собеседников и приятелей»: они находились под воздействием его энергетики, его личности, его призвания и влияния [1]. В художественном произведении, где гармонично сплетены интуиция и осознанность автора, появление имени Белинского, характеристики его деятельности, развернутой или крайне лаконичной, персонажа с его или другим именем, в котором угадываются черты реальной личности критика, имеет свою художественную функцию, помогая решать задачи эстетического, аксиологического и онтологического уровней. При этом не исключается и возможность обнаружить подлинное отношение к этой фигуре, ставшей знаком эпохи 1830–1840-х годов, отследить его (отношения) статику или динамику; при этом «отношение» и «понимание» не только сообщаются в тексте, но и обнаруживают себя в подтексте произведения.

Естественно, что истинно художественное произведение вбирает в себя «все впечатления бытия» писателя, которые в его творческой лаборатории проходят процесс перерождения, подчиняясь его замыслу и «любимой» им «мысли». «Мир произведения – это художественно освоенная и преображенная реальность. ...Мир включает в себя...то, что правомерно называть компонентами изобразительности (художественной реальности): акты поведения персонажей, черты их наружности (портреты), явления психики, а также факты окружающего людей бытия» [10, С. 158]. Белинский, реальная личность, попадая в «преображённую реальность» художественного произведения, становится «компонентом изобразительности», «фактом окружающего людей бытия». Введение имени критика, упоминание статей, которые прочитываются персонажами, характеризует их, и читатели, главные адресаты авторского послания, понимают, что даже короткая информация об этом изменяет статус героя – в зависимости от одобрения или порицания – и его значение в художественном целом всего произведения.

Творческое воображение писателя в своём художественном творении запечатлевает принципиально новую реальность, в которой даже исторические личности не могут быть просто воспроизведены, они оказываются «сотворением вымышленной автором человеческой личности» [8, С. 289]. В произведениях названных здесь авторов В. Г. Белинский присутствует в нескольких формах (и их вариантах); у каждой из них своё назначение, своя художественная функция. Это прежде всего форма посвящения произведения В. Г. Белинскому, во-вторых, его бытование в художественном мире произведения в своей собственной роли – литературного критика, автора опубликованных статей, когда он становится элементом художественной реальности, одновременно отражая эпоху и характеризуя персонажей, в-третьих, в образе учителя, идеолога, исторической личности, воссозданной памятью и/или воображением писателя и существующей в произведении под своим или вымышленным именем. Эти формы (и их варианты) и приёмы введения персонажа в художественное пространство присущи произведениям Тургенева, Некрасова, Достоевского, Писемского.

У А. Ф. Писемского, не знакомого лично с критиком, в романе «Тысяча душ» Белинский присутствует в двух формах: традиционной – как один из компонентов изобразительности художественного мира произведения с функцией характеристики и оценки персонажей (героиня романа Настенька Годнева и её отец в провинциальной русской глубинке, в уездном Энске, выписывают и читают журнал «Отечественные записки», а значит, и статьи Белинского), – и в образе литературного критика Зыкова, в котором угадываются черты известной личности и которому дано право высказать эстетическое кредо автора романа, совпадающее с эстетическими воззрениями Белинского 1845–1847 годов [5, С. 47–48, С. 243–249].

У каждого из названных писателей есть свой метасюжет отношений с Белинским, реальной личностью, с его образом и / или с ним как элементом художественного целого. Он распадается на микросюжеты, отдельные случаи включения имени и / или образа в произведение и подчиняется некоей потребности автора вернуться к нему в другой истории и ситуации, и, может быть, с другими акцентами и намерениями. Так складываются оригинальные, несмотря на ограниченность форм, проявления в художественной реальности, метасюжеты «Тургенев – Белинский», «Некрасов – Белинский», «Достоевский – Белинский», «Писемский – Белинский». Объем статьи не позволяет остановиться на каждом из них. Выберем первый из них.

Метасюжет «Тургенев – Белинский», пожалуй, наиболее продолжительный по времени, наиболее устойчивый и неуклонный, как будто что-то особо важное, что беспокоит автора, не обсуждено, не поставлена точка в их некогда бывших личных отношениях. Тургенев продолжает такой длительный диалог с Белинским (более 30 лет!) в стремлении запечатлеть и в воспоминаниях, и в художественном творчестве отношение к личности Белинского, а через его личность воспроизвести ближайший контекст описываемой эпохи.

Познакомившись с В. Г. Белинским в феврале 1843 года, уже свое стихотворение «Толпа», написанное в июне того же года, Тургенев посвящает В. Г. Белинскому [9, С. 25]. Однако в «Отечественных записках» за 1844 год, в номере 1, где оно было впервые опубликовано, посвящение снято. Эта занимательная история прежде всего указывает на отношения В. Г. Белинского-редактора и критика и А. А. Краевского-издателя и находится за границами нашего рассмотрения. Отметим только, что во всех современных изданиях сочинений И. С. Тургенева посвящение сохранено.

Но что кроется за посвящением стихотворения В. Г. Белинскому? Содержание стихотворения свидетельствует о романтическом мироощущении лирического героя, которое соответствует воззрениям автора. Индивидуализм, противопоставленность толпе, разочарованность в мечтах, одиночество – основные мотивы стихотворения. И содержание поэтического текста, и литературная традиция рассмотрения лирического стихотворения с посвящением как жанра послания, принадлежность которого романтизму по преимуществу не оспаривается, свидетельствуют, казалось бы, о мировоззренческой близости адресата и адресанта. Если же признать за аксиому коммуникативную функцию искусства [8, С. 77–82], то посвящения – форма конкретной адресованности произведения определённому лицу и подготовленному кругу читателей и одновременно форма выражения авторской позиции. В данном случае, стихотворение «Толпа», по всей видимости, становится поэтической репликой, иллюстрирующей позицию Тургенева в реальном диалоге, который он ведёт с Белинским. И здесь же, думается, заявлено и признание права Белинского на его, уже изменившееся, мнение о романтизме и его поэтических проявлениях [9, С. 517]. Так, в метасюжете «Тургенев – Белинский» входит сюжет «посвящения», завершившийся, как известно, в 1862 году состоявшимся посвящением романа «Отцы и дети», когда писатель готовил его к отдельному изданию. «Посвящается памяти Виссариона Григорьевича Белинского», – написано на первой странице этого в наше время хрестоматийного произведения, включенного в любую школьную программу, а тогда, в начале 1860-х годов, сочинения, вокруг которого развернулись масштабные литературно-критические баталии, в их центре оказался не только герой, но и сам автор. В отдельном издании 1862 года писатель под воздействием ближайших друзей отказывается от размещения небольшого предисловия, между тем в примечаниях к роману находим содержащиеся в нём убедительные и поясняющие обращение Тургенева к памяти Белинского слова: «...я с спокойной совестью могу выставить на первом листе этой книги дорогое имя моего незабвенного друга» [9, С. 446]. Высказывание Тургенева проливает в некотором роде свет на фигуру Базарова, которая возмутила и либералов-западников, и славянофилов на проблему поколений, центральную в романе, на вопросы наследования идеям и культуре прошлого. Микросюжет «посвящения Белинскому» в творчестве Тургенева завершён, но смыслы, порожденные им, помогают обнажить и восстановить связи протагониста с действительностью, исторический контекст и «факты окружающего...бытия». Посвящение приоткрывает многое в нигилисте Базарове, в то же время как будто по касательной характеризует восприятие Белинского автором романа: при превалировании уважения и почтения к личности критика Тургенев подсознательно, и не только, подтверждает в нем разрушительно-нигилистические тенденции, сказавшие и в известном письме Гоголю, и в его собственной ранней смерти. Посвящение рано умершему Белинскому эмоционально переключается с неожиданной смертью протагониста и элегическим финалом: сюжет романа оказывается в кольце двух ранних уходов – человека, названного современниками «неистовым» и героя с «бунтующим сердцем».

Тема «Белинский» не оставляет Тургенева, и он пишет и публикует в 1869 году «Воспоминания о Белинском». Но воспоминания в этот раз не входят в круг нашего интереса, поэтому остановимся еще на двух произведениях, в которых литературный критик и знакомец автора появляется мельком, чтобы самим этим фактом дать читателям материал для восполнения образа героя, студента Беляева, как это случится в комедии «Месяц в деревне», и объяснения характера республиканца Бабурина в повести 1874 года «Пунин и Бабурин».

«Месяц в деревне», комедия в 5 действиях, создаётся И. С. Тургеневым в 1848–1850-х годах. Чтобы была понятна реплика студента-разночинца Алексея Беляева в диалоге с Рябининым о критических статьях, которые его «забирают», и выявлена принадлежность их Белинскому: «Теплый человек их пишет...» [9, С. 80], в «Действующие лица» введена поясняющая ремарка о времени действия: «Действие происходит <...> в начале сороковых годов» [9, С. 42]. В автографе комедии 1850 года дан развернутый самоанализ восприятия героем статей критика и его реплика о Ж. Санд [9, С. 408]. В тексте публикаций комедии эти фрагменты выпущены Тургеневым, и осталась только пунктирная линия, состоящая из намёков: время действия – упоминание о журнале (в черновиках это «Отечественные записки») – критические статьи, которые «забирают» – «теплый человек их пишет». Внутренняя цензура или законы гармонии потребовали от Тургенева сведения обрисовки характера студента-разночинца к деталям, но именно они формируют облик героя и включают читателя в процесс его воссоздания.

«Пунин и Бабурин», повесть 1874 года, представляет ещё один приём характеристики персонажа через введение имени Белинского: здесь происходит своеобразное «точечное» распознавание тех идей, которые сформировали Бабурина и позволили ему быть человеком, говоря современным языком, правозащитного действия и поступка.

Тургеневский повествователь – Петр Петрович Б. – излагает жизненные ситуации, в которых проявляется «республиканец» Бабуринов, немногословный и мало располагающий к общению человек, но, сочувствуя ему, он не пытается объяснить, что привело его к такому бескомпромиссному поведению, а позже даже к некоторой, не вполне понятной, антиправительственной деятельности. Ответ на вопрос о том, кто выковал убеждения, ставшие законом всей жизни, взгляды, которым «скоро придется высказаться на деле», находим в эпизоде встречи героя-повествователя и четы Бабуриных в их петербургской квартире в 1849 году: «В его комнате, на самом видном месте, висела известная литография, изображавшая Белинского; на столе лежал томик старинной, бестужевской “Полярной звезды”» [9, С. 212]. Тургенев «сжимает» объяснение, сводит его к двум знаковым предметам: журналу декабристов и портрету Белинского. (Портрет Белинского как запечатлённый образ почитаемого человека, думается, несёт в себе особую смысловую нагрузку, что требует особого рассмотрения и толкования).

Живые идеалы достоинства и правды, обретенные в чтении альманаха и статей почитаемого критика, образовали Бабуринов и определили его характер и судьбу. Но не случайно повесть называется «Пунин и Бабуринов»: благодетельствованный другом и покровителем Бабуриным, Пунин читает и любит в литературе иное – Ломоносова, Сумарокова, Кантемира, Хераскова, реже – Державина. Впечатлительный, отзывчивый, благодарный, добрый и общительный, он вызывает симпатию и любовь барчука, смешанную с презрением. К замкнутому и строгому Бабуринову возникает уважение, замешенное на страхе. Антиномичность образов приятелей, тургеневская «проверка» героя любовью, его смерть после знаменательного февральского дня 1861 года – всё это создаёт характер выразительный и трагичный, и портрет Белинского – та деталь, которая необходима для его цельности, она скрепляет фрагментарное повествование о Бабуринове, разночинце, интеллигенте, лишь в маленьком сибирском городке нашедшем приют и соответствующий ему круг деятельности. Повесть «Пунин и Бабуринов» окончательно выводит метасюжет «Тургенев – Белинский» в область онтологических вопросов о сущности бытия человека в мире, поднимает проблему, практически не разрешимую, о власти и границах протестности, о свободе человека и возможностях созидания.

Судя по устойчивому интересу к Белинскому, его личности и пониманию роли его критической деятельности в формировании интеллигента-разночинца, Тургенев сохранил верность идеалам своей писательской юности, которая прошла в общении с «неистовым Виссарионом». При этом писателя возвращает к теме «Белинский» незавершённый диалог мировоззрений: умеренно-либерального и радикального.

Заключение

Таким образом, ещё раз подтверждается мысль о влиянии В. Г. Белинского и его деятельности на русскую общественность и на русскую литературу. Он положил начало системному изучению и толкованию современных ему произведений, ввел в обиход широкого круга читателей ежемесячное чтение журналов, привлёк внимание публики к вопросам нравственности, пробудил интерес к интеллектуальной и общественной деятельности, к пониманию ценности осмысленной жизни. Рассмотрение вопросов, связанных с введением в пространство художественных произведений упоминаний о Белинском и его статьях, посвящения критику, создание образов персонажей с опорой на его биографию, детали его внешности или особенности поведения позволяют не только констатировать глубину уважения к личности выдающегося современника со стороны писателей, но и установить обнаруживаемые имманентные и контекстуальные связи персонажей произведений и событий и участников реальной исторической действительности.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Айхенвальд Ю. И. Спор о Белинском. Ответ критикам / Ю. И. Айхенвальд. — 1914. — 100 с.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений / В. Г. Белинский. — М. : Изд-во АН СССР, 1953–1959.
3. Писемский А. Ф. Избранные произведения / А. Ф. Писемский. — М.; Л. : ГИХЛ, 1932. — 570 с.
4. Писемский А. Ф. Письма / А. Ф. Писемский. — М.; Л. : ГИХЛ, 1936. — 770 с.
5. Писемский А. Ф. Тысяча душ. Роман в четырёх частях / А. Ф. Писемский // Собрание сочинений в 9 томах. — М. : Правда, 1959. — Т. 3. — 479 с.
6. Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен / Д. П. Святополк-Мирский. — М. : Эксмо, 2008. — 608 с.
7. Скафтымов А. П. Преподавание литературы в дореволюционной школе / А. П. Скафтымов // Методика преподавания литературы: Хрестоматия-практикум. — М. : Академия, 2003. — С. 356–366.
8. Теория литературы : учебное пособие для студентов филол. фак. высш. учеб. заведений / Под ред. Н. Д. Тмарченко. — М. : Академия, 2004. — Т. 1.
9. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем / И. С. Тургенев. — М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1960–1968.
10. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. — М. : Высшая школа, 1999. — 398 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Eichenwald Yu. I. Spor o Belinskom. Otvet kritikam [The dispute about Belinsky. Response to critics] / Yu. I. Eichenwald. — 1914. — 100 p. [in Russian]
2. Belinskij V. G. Polnoe sobranie sochinenij [Complete Collected Works] / V. G. Belinskij. — M. : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1953–1959. [in Russian]
3. Pisemskij A. F. Izbrannye proizvedenija [Selected Works] / A. F. Pisemskij. — M.; L. : GIHL, 1932. — 570 p. [in Russian]
4. Pisemskij A. F. Pis'ma [Letters] / A. F. Pisemskij. — M.; L. : GIHL, 1936. — 770 p. [in Russian]
5. Pisemskij A. F. Tysjacha dush. Roman v chetyrjoh chastjah [A Thousand Souls. A novel in four parts] / A. F. Pisemskij // Sobranie sochinenij v 9 tomah [Collected Works in 9 volumes]. — M. : Pravda, 1959. — Vol. 3. — 479 p. [in Russian]
6. Svjatopolk-Mirskij D. P. Istorija russkoj literatury s drevnejshih vremen [History of Russian literature from the earliest times] / D. P. Svjatopolk-Mirskij. — M. : Jeksmo, 2008. — 608 p. [in Russian]
7. Skaftymov A. P. Prepodavanie literatury v dorevoljucionnoj shkole [Teaching literature in the pre-revolutionary school] / A. P. Skaftymov // Metodika prepodavanija literatury: Hrestomatija-praktikum [Methods of teaching literature: Textbook]. — M. : Academia, 2003. — P. 356–366. [in Russian]
8. Teorija literatury [Theory of Literature] : textbook for students of philological departments of higher educational institutions / Ed. by N. D. Tamarchenko. — M. : Academia, 2004. — Vol. 1. [in Russian]
9. Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem [The complete collection of works and letters] / I. S. Turgenev. — M.; L. : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960–1968. [in Russian]
10. Halizev V. E. Teorija literatury [Theory of literature] / V. E. Halizev. — M. : Higher School, 1999. — 398 p. [in Russian]